

Глава 122. Глава клана Хэхуань приручила холодного мечника (04)

Внутри паланкина, когда Лин Янь внезапно сел, ему не на что было опереться, и он, не долго думая, прислонился к плечу Лу Яня.

Лу Янь на мгновение опешил, в его холодных глазах мелькнуло удивление, но он не отстранился, позволив этому алому силуэту опереться на свое зеленое одеяние.

Лин Янь по-прежнему выглядел ленивым, словно он опирался не на чужое плечо, а на свою собственную мягкую подушку. Он небрежно поднял руку, серебряные бубенцы на запястье тихо звякнули, и сквозь их чистый звон прозвучал его звонкий голос: — А-Цзо.

— Я здесь.

А-Цзо отозвался и вышел вперед, словно заранее знал, что глава его позовет.

Он прыгнул на открытое пространство во дворе и вытащил из-за пояса длинный меч.

Сверкнул клинок, словно осенняя вода, залившая небосвод.

Он двигался, и его удары были то стремительными, как молния, то мягкими, как вода, сочетая жесткость и гибкость, контроль и свободу.

Это искусство владения мечом достигло высшего уровня.

А-Цзо вложил меч в ножны и неторопливо подошел к главному старейшине, приветствуя его мечом в руках: — Ученик клана Хэхуань Лин Цзо, основное направление — искусство меча.

Главный старейшина: ...

Он выругался про себя.

Этот юноша выглядел на пару лет старше Лу Яня, но его талант ничуть не уступал, а мастерство владения мечом превосходило большую половину учеников клана Цинчжу.

Не успел он открыть рот, как стоящий позади Линь Чжицю не выдержал и восхищенно воскликнул: — Как же здорово!

— Тсс! — Старейшина обернулся и сердито зыркнул на него, и Линь Чжицю мгновенно замолчал, опустив голову.

Он с досадой посмотрел на Лин Яня, но увидел, что тот лениво развалился, опираясь на их благовоспитанного Лу Яня, и тут же встревожился: — Лин Янь, бесстыдник, слезай с Лу Яня!

— ...

Лин Янь, услышав это, ничуть не рассердился, а лишь небрежно перевернулся и улегся в паланкине.

Но когда он вытянул ногу, так уж вышло, что его ступня угодила аккурат в ягодицы собеседника.

Их взгляды встретились в то же мгновение.

Лин Янь оперся одной рукой о край паланкина, браслет с бубенцами на запястье соскользнул ниже, он приподнял уголок глаза, и на его лице расцвела яркая, чувственная улыбка, а голос зазвучал томно и маняще: — Ой! Прошу прощения, юный даос.

Уши Лу Яня мгновенно залились алой краской, но голос его остался холодным, словно звон ручья о нефритовые камни: — Ничего страшного.

Лин Янь: ...

Такой чистый.

Хочется поцеловать.

Когда же удастся попробовать эти тонкие губы.

Увидев, что они наконец разошлись, главный старейшина немного успокоился и лихорадочно соображал: если у Лин Яня действительно есть «Единое искусство меча, возвращающее десять тысяч превращений», и Лу Янь сможет его изучать...

То будущее клана Цинчжу — разве оно не взлетит до небес?

Только вот неизвестно, можно ли верить словам этих людей из клана Хэхуань.

Он кашлянул, погладил бороду и задумчиво произнес: — Что касается искусства меча — это всего лишь твои слова. Если ты намеренно обманываешь, а я оставлю сокровище нашей школы в клане Хэхуань, разве это не будет ошибкой?

Лин Янь лениво закатил глаза и протянул с медлительной ноткой: — Если бы не вы,

старейшина, перегородивший нам дорогу, мы бы уже давно были в библиотеке. И возможно... маленький Лу Янь уже постиг бы первую форму того искусства меча!

Старейшина: ...

Вот как?

Уголок его губ непроизвольно дернулся, он поднял глаза на Лу Яня, сидящего в паланкине.

Юноша встретился с ним взглядом и слегка кивнул.

Старейшина: ...

Виноват.

Но старейшина не мог потерять лицо, поэтому он промолчал об этом.

Он неловко потер кончик носа и произнес миролюбиво: — Раз так, давайте вместе отправимся в библиотеку и посмотрим. Если искусство меча настоящее, я... подумаю над тем, чтобы оставить Лу Яня.

— Динь-лин —

Звон бубенцов разнесся по ветру.

Красный паланкин взмыл в воздух, подобно алому облаку, устремившись к библиотеке.

Однако в столь важное место посторонним вход был запрещен. В итоге войти смогли только Лин Янь и Лу Янь, а главный старейшина с Е Чжицю и остальными остались ждать снаружи.

Примерно через время, за которое сгорает одна ароматная палочка (исян — около 15-20 минут), появились две фигуры — алая и зеленая.

Главный старейшина поспешно подошел, приблизился к Лу Яню и тихо спросил: — А Янь, как? Это подлинник?

В глубине холодных глаз Лу Яня все еще сиял свет, словно весенний снег на солнце. Услышав вопрос, он слегка кивнул: — Да, подлинник. Старейшина... я хочу остаться.

Хотя это была лишь верхняя половина свитка, но и этого было достаточно.

Постичь даже половину этого искусства — уже огромная удача. Если он действительно сможет проникнуть в его суть, его мастерство в фехтовании поднимется на новую ступень.

Услышав это, в мутных глазах старейшины дрогнул свет, и в них мелькнуло недоверие —

Оно оказалось правдой!

Этот распутник Лин Янь не солгал, то искусство меча — подлинное.

Он уже видел, как по возвращении в школу глава будет его хвалить, и в его душе зашевелилась тайная радость.

— Ну что? — Лин Янь, стоящий рядом, лениво прислонился к дверному косяку, его одежда была красной, как огонь, на губах играла полуулыбка.

Главный старейшина перевел мутный взгляд с Лин Яня на Лу Яня и обратно, в душе уже прикидывая.

Этот тип такой хитрый, если у него будут дурные мысли насчет Лу Яня...

В конце концов, он совершенно не верил в эту отговорку про лечение от холода.

При его положении и силе культивации, разве он не мог найти хорошего лекаря?

Хотя медицинское мастерство Лу Яня действительно было искусным, но...

Нет, надо его остерегаться.

Старейшина погладил седую бороду, и в его глазах засверкал расчетливый блеск: — Лу Янь может остаться, но у меня есть одно условие.

Старый лис.

Лин Янь крутил в пальцах красную ленту, наматывая ее виток за витком, и наконец выдохнул одно-единственное слово: — Говори.

Главный старейшина вытолкнул вперед Линь Чжицю, стоящего рядом.

— Пусть он тоже останется. Иначе боюсь, Лу Яню будет слишком одиноко здесь одному.

Этот развратник больше всего любит приставать к таким наивным юношам.

Надеюсь, Линь Чжицю послужит щитом.

Словно прочитав его мысли, Лин Янь, склонив голову, некоторое время разглядывал Линь Чжицю, и на его губах заиграла легкая улыбка: — Хорошо. Выглядит довольно мило, пусть останется, будет на что глаз положить.

— Тогда решено.

Линь Чжицю растерянно стоял на месте, его глаза, обращенные к Лин Яню, блестели от влаги, словно у олененка в лесу.

Эта сцена не ускользнула от взгляда Лу Яня в зеленом даосском одеянии, его длинные ресницы дрогнули, но он не проронил ни слова.

В этот миг все его помыслы были заняты лишь тем секретным руководством, о котором он грезил.

На следующий день ученики клана Цинчжу поднялись спозаранку и спустились с гор, оставив в Пустоте Долине Ускользания (Сюйхуайгу) лишь Лу Яня и Линь Чжицю.

Лу Янь тоже встал с первыми лучами солнца, взял данную Лин Янем печать и вошел в безмолвную библиотеку. Внутри пахло книгами, тишина была глубокой, он погрузился в чтение, не замечая, как бежит время.

Когда солнце поднялось уже высоко, Лин Янь лишь тогда лениво поднялся с постели, неторопливо умылся, привел себя в порядок, позавтракал (точнее, пообедал в неурочный час) и лишь после этого неспешно направился в библиотеку.

Едва войдя, он увидел Лу Яня, сосредоточенно склонившегося над свитком.

Лин Янь приподнял уголки губ и бесшумно приблизился, его ступни, белые, как нефрит, высунулись из-под полы одежды и легонько коснулись края зеленого даосского облачения Лу Яня.

Он понизил голос, в котором звучала ленивая хрипотца, и приблизился к уху Лу Яня.

— Даос Лу Янь, у меня... ноги совсем замерзли.